IV.

СМѢСЬ.

---

1. **ПРОГУЛКА ВЪ ВОСКРЕСЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.** Никогда не забуду прогулки моей въ *Воскресенскій монастырь*, въ прекрасное лѣтнее время, съ добрымъ сосѣдомъ, Н. А. К. — Окрестности московскія; воспоминаніе о *Тушинскомъ ворѣ*, тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ таборъ *Царика;* гроза, которой испугался мой товарищъ; сельскій обѣдъ нашъ, — все это заняло насъ въ дорогѣ. На другой день, въ воскресенье, утро было удивительное. Роса жемчугомъ лежала по лугамъ и окрестнымъ удольямъ, когда я отправился одинъ въ великую обитель, памятникъ Никона, изумительное созданіе смѣлаго зодчества, на берегахъ Москвы явившее собою *снимокъ* святаго храма Гроба Господня.

Лучи солнца ярко освѣщали огромный, сквозной куполъ обители; онъ казался фонаремъ, прикрывшимъ собою залогъ нашего спасенія, лампадою, возженною человѣкомъ передъ Спасителемъ! Сквозь дубовую рощу за оградою прошелъ я въ *Никонову пустыньку*, туда, гдѣ сей честолюбивый іерархъ, другъ царей, реформаторъ ревностный, но суровый, грозный, упрямый, нашъ русскій Григорій VII-й, жилъ, пока строилась его великолѣпная обитель, спалъ на голомъ камнѣ и молился въ тѣсной кельѣ своей. Благовѣстъ въ большомъ храмѣ извлекъ меня изъ забывчивости. Мы слушали обѣдню; осмотрѣли драгоцѣнную ризницу; радушно были встрѣчены почтеннымъ настоятелемъ обители, о. архимандритомъ Аполлосомъ, и вспомнили съ нимъ старину: онъ долго жилъ въ Иркутскѣ; онъ зналъ тамъ всѣхъ, зналъ всѣ мѣстечки на моей родинѣ. Вмѣстѣ съ нимъ обошли мы потомъ всю обитель, гдѣ столько воспоминаній для Христіанина и для Русскаго: гробница Никона и портреты его, и царя Алексія и царицы; могила сына Суворова и храмъ, устроенный по обѣту Царя, когда родился первенецъ Его, будущій Царь Россіи и дѣтей нашихъ; престолы патріарховъ; снимки со всѣхъ мѣстъ, освященныхъ страданіемъ Бога, и гробъ Его, «единственный гробъ,» какъ говоритъ Шатобріанъ, «который по гласу трубы архангела не возвратитъ никакого праха — единственный гробъ безъ мертвеца!»

Сердце мое было полно неизъяснимыхъ чувствъ, когда мы стояли потомъ за вечернею въ главномъ храмѣ, гдѣ въ одномъ концѣ видите вы *Гробъ Господень*, съ его золотымъ куполомъ, а съ другой, въ концѣ алтаря, на возвышеніи, сквозь растворенныя Царскія двери, *пять патріаршескихъ сѣдалищъ* Мы просили отслужить заутреню, и какъ описать мое радостное изумленіе, когда иноки воспѣли: «Христосъ воскресе!» Я не зналъ до тѣхъ поръ, что Воскресенскому монастырю предоставлено право пѣть Христовскую заутреню круглый годъ. Великій Боже! сколько воспоминаній дѣтства, сколько думъ слилось тогда въ душѣ моей, при такомъ неожиданномъ славословіи Бога, въ величественномъ храмѣ Его!... Для чего скрываться, для чего не сказать, что невольно палъ я на колѣни, и слезы, какихъ не много удается въ жизни проливать человѣку, полились у меня? Всю заутреню проплакалъ я, и воспоминавіе о тѣхъ сладостныхъ мгновеніяхъ жизни никогда не изгладится изъ моей «памяти сердца,» которая, какъ говорилъ поэтъ, «сильнѣе печальной памяти разсудка.» — Почтенный архимандритъ провожалъ насъ потомъ до колодца Никонова, и въ умиленіи сердца принялъ я тамъ его пастырское благословеніе. Долго послѣ того мы не могли начать разговора съ товарищемъ моимъ...